

Русские Богатыри

Славные подвиги – юным читателям

Герои родной земли

Народное творчество (Фольклор)

**Русские богатыри. Славные
подвиги – юным читателям**

«ЭКСМО»

2018

УДК 398.2(=161.1)-93
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

Народное творчество (Фольклор)

Русские богатыри. Славные подвиги – юным читателям / Народное творчество (Фольклор) — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-699-60079-3

Сказания и легенды о богатырях в Древней Руси, об их жизни и дружбе, подвигах и походах, о битвах с врагами и славных победах. Впервые в одной книге собраны сказания обо всех богатырях, и показан их ранг среди остальных — старшие, младшие, заезжие, новгородские... Это не только Илья Муромец, Святогор и Добрыня Никитич, но и Садко, Василий Буслаев, Михайло Поток, Дунай Иванович, Ставр Годинович, Микула Селянинович, Аника-воин, богатыри известные и неизвестные. Древние былины изложены доступным и образным языком, понятным даже совсем юным читателям. Иллюстрации Игоря Беличенко украшают книгу. Рекомендуется всем, кто любит сказки и легенды, историю и литературу.

УДК 398.2(=161.1)-93

ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-699-60079-3

© Народное творчество
(Фольклор), 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Старшие богатыри	6
Вольга Святославич	6
Микула Селянинович	17
Святогор	21
Встреча Святогора с Микулой Селяниновичем	22
Женитьба Святогора	24
Встреча Святогора с Ильёй Муромцем	26
Михайло Поток	31
Илья Муромец	46
Исцеление Ильи	46
Илья Муромец и Соловей-разбойник	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Русские богатыри

Славные подвиги – юным читателям

Старшие богатыри

Вольга Святославич

Давным-давно это было, так давно, что старики не упомнят, а знают только понаслышке от своих дедов да прадедов.

Где теперь города стоят, где сёла да деревни пестреют, – там сплошь леса тянулись, густые да дремучие, и нельзя в них было ни пешком пройти, ни верхом проехать; глубокие, могучие реки растекались во все стороны, по берегам их раскинулись такие широкие поля, что и глазом не окинуть. Повсюду овраги да ямы, а в них змеи лютые кишмя кишат.

Дорог одна-две да и обчёлся, и дороги-то прокладывались не по-нынешнему: прорубят в лесу просеку, забросают хворостом овраги, где ручей случится – шаткий мост на столбиках перекинут, а через реку на скорую руку перевоз заведут – вот и путь готов.

А в лесах-то всякого зверья полным-полно: и медведи, и лисицы, и волки, и туры рогатые с косматой гривой, и вепри, – без рогатины да без лука нельзя было и в путь выехать. Но не одного зверья боялся проезжий: бродили по дорогам разбойники, нечисть всякая, и змеи-

горынычи, и колдуны, и оборотни. Кто выезжал из дому, тому уж приходилось трусость за печью оставлять.

Тогда, впрочем, и люди-то были иные, не нынешним чета: жили на свете богатыри да витязи, славились они своей силою непомерной, удалством, молодечеством. Про них прошла молва по всей земле русской, долетела и до нас, даром что с тех пор столько веков утекло.

* * *

Стоит высоко на небе широкий двор, такой, что глазом не окинуть, вокруг него железный тын с золотыми маковками, на каждой маковке блестит по жемчужине. Посреди этого чудного двора три терема: один – из чистого золота, другой – из чистого серебра, а третий – хрустальный.

В золотом тереме живёт красное солнышко, в серебряном – светлый месяц, а в хрустальном – их детки, частые звёздочки.

Солнышко всему жизнь даёт, всех греет, всем улыбается. Месяц светлый выглянет в тёмную ночь из своего серебряного терема и осветит мрачные дебри лесные, реки широкие, дороги проезжие; запоздалый путник спешит домой под его мягкими добрыми лучами и воздаёт славу

государю-месяцу светлому. А детки их, звёздочки белые, приветливые, с ясными зорьками играют, студёной росой умываются.

Любило красное солнышко людей, заботилось о них, за то и от людей были ему и почёт, и слава: лишь только засветит оно по-весеннему, с полудня, люди в честь его костры зажигают, песни поют да пляшут. Молодёжь хоромы водит, солнышко в песнях просит, чтобы оно милостиво взглянуло на рожь с корнем глубоким, с хлебом обильным, чтобы принесло всем радость и веселье. Проглянет солнышко ярким лучом с неба – всем станет радостно, а скроется за тёмной тучей – нахмурится небо, подует холодом с севера, и люди затоскуют, слезами обольются да запоют горестно:

Солнышко, вёдрышко!
Выгляни в окошечко,
Твои детки плачут...

Ушло красное солнышко в свой златоглавый терем, вышел на небо светлый месяц, рассыпались по небу их детки – частые звёздочки, о ту пору народился могучий богатырь, Вольга Святославич. Вся земля содрогнулась, всколебалась; всколыхалось синее море; звери разбежались кто куда мог: рогатые туры и быстроногие олени попрятались в горы, волки и медведи разбрелись по ельнику, куницы и соболя на острова уплыли; зайцы и лисицы в чашу забились; птицы полетели высоко в поднебесье, рыба на глубину ушла, все почуяли, что родилось не простое дитя, а лежит в колыбельке из дорогого рыбьего зуба, под шелковым пологом, могучий богатырь.

Мать его, молодая княгиня Марфа Всеславьевна, на него не налюбуется, пеленает его в дорогие пелены, свивает шелковым поясом, баюкает на груди своей, поёт ему колыбельные песни тихие.

Вольга растёт не по дням, а по часам. Только полтора часа и полежал он в колыбели, а уж вырос на полтора года; никто его ещё и лепетать не учил, а он сам собой говорить научился и молвит княгине:

– Родимая матушка, не пеленай ты меня в пелены, не вяжи поясами шелковыми, пеленай ты меня в латы железные, на голову надевай мне шлем из чистого золота, а в руки дай мне тяжёлую палицу.

Дивуется на него мать, а он растёт себе да растёт. В семь лет стал он таким богатырём, каких мало. К тому же научился он и читать, и писать, и всем хитростям, премудростям да языкам разным заморским – скоро и учителей своих перегнал.

Пришёл он к матери.

– Родимая, – говорит, – мало мне того, чему меня учителя научили, хочу я и другим премудростям выучиться: чтобы мог я, когда вздумаю, обернуться ясным соколом, по поднебесью летать, красное солнышко вблизи видеть, чтобы умел я обернуться серым волком, пробраться в чащу лесную заповедную, или буйным туром – золотые рога, мериться силой со всяким зверем.

Отпустила его мать к ведунам, волхвам, научился он от них всяким премудростям, в два года всё понял, всё уразумел, чего другому бы и на всю жизнь хватило.

В двенадцать лет стал Вольга скликать дружину. Три года собирались к нему молодые витязи, кто с севера, кто с юга, все такие же рослые, крепкие, как он сам. Набралось их двадцать девять молодцев, а сам Вольга тридцатый. Всем им только что исполнилось по пятнадцати лет, у всех добрые, верные кони, меткие стрелы, острые мечи, а главное – удаль молодецкая. Горят

у них сердца ретивые, хотят витязи силу да храбрость показать, хотят добыть себе такой славы, чтобы прогремела она по всей земле русской.

Простился Вольга с матушкой и выехал с дружиною в чисто поле. Не ехали за ними ни повозки с припасами, ни повара с поварёнками, не везли они с собою ни постелей, ни поклажи, ни челяди, – не нужны они храбрым витязям. У них в колчанах довольно стрел, чтобы бить птиц да мелких зверей, а на большого зверя каждый готов выйти один на один с крепкой палицей. И постели им не надобны: спят они на голой земле, а под голову седло подкладывают. У пояса есть у них огниво: высекут огонь да разведут костёр в поле – и отогреются, и дичину испекут на углях, а запивают студёной водою из ручья быстрого.

Гуляют витязи по чисту полю и день, и два. Посылает Вольга своих молодцев в лес, зверья наловить:

– Гей вы, дружинники храбрые, вейте верёвочки шелкóвые, ставьте их по тёмному лесу, ловите куниц, лисиц, чёрных соболей.

Разбрелись они, рассыпались по лесу. Ждёт-пождёт Вольга три дня и три ночи, приезжают молодцы с пустыми руками:

– Не попалась нам ни одна куница, не повстречалась ни одна лисичка, не запутался в тенётах ни один горностаюшка.

Ударился Вольга оземь, оборотился могучим львом, в три прыжка скрылся в дебрях лесных и вмиг наловил всякого зверья: и буйного тура рогатого, и куниц, и соболей, и барсов, и лисиц, и медведей; не побрезговал и зайчишкой сереньким – всего понабрал. Поделили они добычу, попиروвали, и в другой раз посылает Вольга своих витязей:

– Наставьте вы силков в лесу, наловите гусей, лебедей, соколов да мелкой птички, а я буду ждать вас три дня и три ночи.

Рассыпались витязи по лесу, наставили сетей да силков, думали много поймать, а не добыли даже и мелкой пташечки. Воротились они, повеся головы, к Вольге, а он их утешает:

– Не кручиньтесь, будет у нас всякая птица.

Ударился оземь и оборотился ловчей птицей. Поднялся высоко-высоко, как стрела налетел на всякую птицу, большую и малую. Бьёт он гусей, белых лебедей, не даёт спуска и малым серым утицам, только пух от них летит по поднебесью. Вернулся Вольга к витязям с такой добычей, какой они и во сне не видывали. Надолго хватило им, а как вышел запас, посылает их Вольга в третий раз:

– Друзи мои верные, возьмите-ка вы топоры, постройте дубовое судно, забросьте-ка в море шелковые невода, наловите рыбы – осетрины, белужины; три дня и три ночи буду я вас поджидать.

Забросили витязи невода, а рыба-то вся в глубину забралась, сидит на дне да над молодцами подсмеивается: коротки, мол, руки у вас, не достанете.

Сидели, сидели они у моря, просидели три дня и три ночи, ни одной плотички, ни одного лещика не поймали.

Воротились к Вольге, не смеют и глаз на него поднять, а он уж всё знает.

– Что, – говорит, – плохой лов? Ну, не тужите, я вам всего достану.

Обернулся щукой зубастой, нырнул в самую глубь, погнался за всякой рыбой, наловил и стерлядей, и осетров, и белуг, и севрюг – хватило им надолго.

Поит, кормит Вольга свою дружину храбрую, одевает их, обувает по-княжески: носят они шубы соболиные, на перемену есть у них и шубы барсовые. Дружинушка на него надивиться не может, не знают, как его удачу и расхваливать.

Прослышал Вольга, что турецкий царь Салтан Бекетович собирается идти войной на Русь православную. Разгорелось его сердце молодецкое, созвал он своих витязей и говорил таковы слова:

– Дружинушка моя храбрая! Кто из вас сослужит мне службу верную – обернётся гнедым туром, сбегает в землю турецкую, узнает, что царь Салтан замышляет, о чём со своей женой Азвяковной советуется.

Молчит дружина, ни один удалый молодец не вызывается, прячутся они друг за друга: старший – за среднего, средний – за младшего, а младший и рта открыть не смеет.

Разгневался Вольга:

– Видно, надо мне самому идти! Ждите меня, витязи, я вмиг слетаю и разведу, какую царь Салтан думу думает.

Обернулся Вольга маленькой пташкой, полетел в царство турецкое, сел на окошко к царю Салтану. Слышит он, как царь Салтан говорит своей жене Азвяковне:

– Я пойду на Русь, возьму девять городов, раздам девяти сыновьям, а сам сяду княжить в Киеве.

– Не бывать тебе на Руси, – отвечает Азвяковна, – не взять и девяти городов, не видать и Киева: родился там такой богатырь, что тебе с ним не совладать, а зовётся он Вольгой Святославичем.

Рассердился царь Салтан, ударил царицу плёткою, а Вольга обернулся горностаем, пробрался в подвалы и погреба царские да и перепортил всё оружие: тетивы у тугих луков перегрыз, железа у калёных стрел побросал.

Потом обернулся серым волком, пробрался в конюшни и передувил всех коней.

Полетел он маленькой пташкой к дружине, разбудил своих добрых молодцев и повёл их на царя Салтана.

Подшли они к Салтанову царству, а вокруг него – стена высокая, каменная. Ворота в стене железные, засовы медные, у ворот часовые стоят день и ночь – человеку не пройти и не проехать, только махонький муравейшко может в щёлку под теми воротами пролезть.

– Как же мы попадём в Салтаново царство? – опечалились витязи.

А Вольга не кручинится: ударился оземь, обернулся мурашиком и всех своих добрых молодцев, а их было до семи тысяч, тоже обернул мурашиками, все они и проползли в щёлку под воротами. Как встали по ту сторону стены, обернулись снова витязями с конями и с оружием. Прошли они по всей земле турецкой, стали рубить, да колоть, да жечь, так и перевели всю силу Салтанову. Сам Салтан в свой дворец убежал, за железными дверьми спрятался. Толкнул Вольга ногой дверь, все запоры повышиб и вошёл к Салтану.

– Не бывать тебе, Салтан, на Руси, не княжить тебе в Киеве! – сказал он и так ударил его о кирпичный пол, что расшиб его до смерти.

Поделил Вольга всё богатство Салтаново между своей дружиной: много они добыли и золота, и серебра, и дорогого оружия, и коней, и разноцветных тканей. Не нахвалятся дружинники своим князем, да и есть чем: всегда они у него и сыты, и одеты, и обуты, а слава о них по всему свету прошла, до наших дней дожила.

Микула Селянинович

Поехал Вольга со дружиною за данью-податью в города Гурчевец, Ореховец и Крестьяновец – их он в подарок получил от дяди своего, великого князя Киевского, Владимира Красное Солнышко.

Выехали добры молодцы в раздольно чисто поле и слышат: где-то в поле оратай пашет. Понукает оратай свою лошадь, скрипит его соха, а самого пахаря не видно. Едут они день, едут другой, едут с утра до вечера и всё не могут доехать до оратая.

Третий день к вечеру клонится, тут только доехали они до оратая. Видят: взрывает он сохой борозды на поле, да такие, что как в один край уедет, то другого и не видать; огромные коренья вывёртывает, камень-валуны в борозду валит. Кобыла у него соловая, невзрачная, соха кленовая, а гужи шелкóвые.

Поклонился Вольга пахарю:

– Бог на помощь, оратаюшка!

– Спасибо, Вольга Святославич, – отвечал оратай, – мне в моём крестьянском деле без Божьей помощи не обойтись. А ты куда путь держишь?

– Да еду в свои города за данью-податью.

– В городах твоих живут всё разбойники, денежки за проезд испрашивают, и чем больше им даёшь, тем им больше хочется. Я недавно ездил туда за солью и заплатил им плёткой: который стоял – тот сидит, а который сидел – тот лежит.

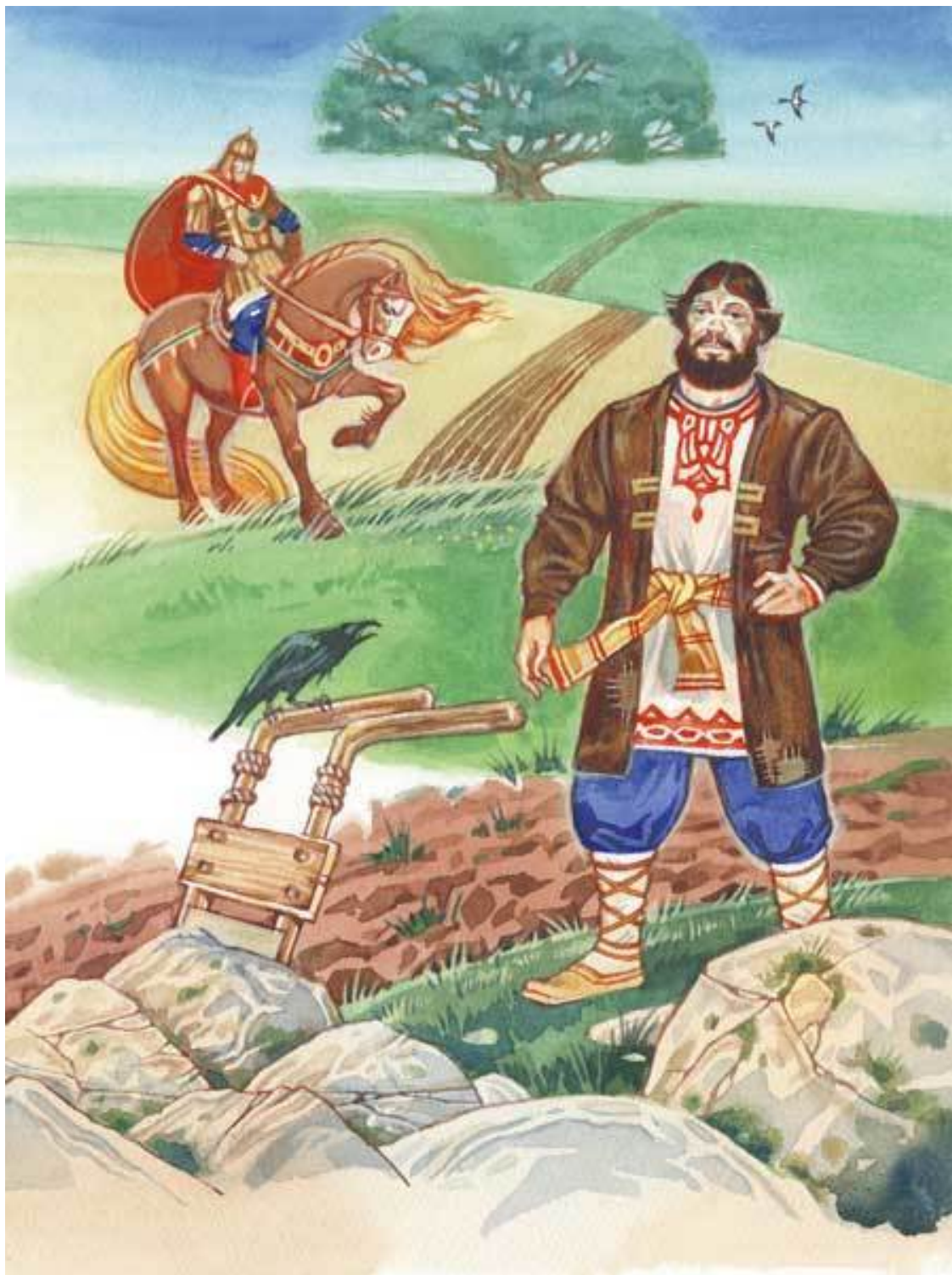
– Поедем со мною, оратаюшка, – позвал его Вольга.

Согласился оратай, выпряг свою кобылку из сохи, и отправились они в путь.

На полдороге оратай и говорит Вольге:

– Оставил я свою сошку в бороздочке не для всякого прохожего, а для-ради брата-мужичка. Как бы её повыдернуть из земли, отряхнуть да припрятать за ракитовый куст? Не пошлешь ли кого из дружины?

Послал Вольга пятерых молодцев. Взялись они за сошку: вертят, крутят, а не могут из земли вывернуть. Тогда послал Вольга десять витязей – и десять сошку не подняли. Послал Вольга всю дружину: поднатужились витязи, а сошку так и не сдвинули.

Подъехал сам оратай на своей кобылке: как схватил соху одною рукой, так и выдернул её из земли, вытряхнул землю и бросил сошку за ракитовый куст.

Поехали дальше путём-дорогою.

У Вольги конь едва поспевает за оратаевой кобылкой; она идёт себе рысью, а конь во весь опор скачет и догнать её не может. Вольга стал колпаком своим оратаю помахивать, звать громким голосом. Остановился оратай.

– Хорошая у тебя кобылка! Будь она конём, за неё можно было бы пятьсот рублей дать, – говорит Вольга.

– Пятсот-то рублей я за неё заплатил, когда купил её жеребёночком, а теперь, если бы она конём была, ей и цены бы не было, – отвечал оратай.

– А как же тебя звать-величать, оратаюшка? – спросил Вольга.

– А как я сожну рожь, да сложу её в скирды, да привезу домой, да наварю пива, да созову соседей, они и станут меня чествовать: «Здравствуй, Микулушка Селянинович!»

Приехали они к гурчевцам да к ореховцам, а те поставили через реку поддельные мосты; как стала дружина переправляться, подломились под ними эти мосты, и попадали витязи в воду. Увидали это Вольга с Микулой, припшорили своих коней. Взвились богатырские кони и перепрыгнули одним скоком через реку. Досталось тогда гурчевцам и ореховцам: постегали их Вольга с Микулой, да так, что зареклись они затевать драку с витязями.

Заехал Вольга к Микуле в гости, и задал ему Микула великий пир, а дочери Микулины, Марья, Василиса и Настасья, заезжего гостя всякими яствами и питьём потчевали.

Святогор

Высоко поднялись Святые горы; их каменные вершины в небо упираются, глубоко разползлись во все стороны чёрные ущелья, одни орлы туда залетают, и то ненадолго. Покружится-покружится орёл над скалами да и ниже спустится. «Нет, – думает, – тут мне пожить нечем, тут и следа живого не видно».

Только богатырь Святогор разъезжает между утёсами на своём коне богатырском, его конь и доли, и реки, и леса шутя перепрыгивает, а равнины между ног пускает.

Ростом Святогор выше леса стоячего, головой достаёт до облака ходячего; едет по полю – сыра земля под ним колеблется, тёмные леса шатаются, реки из берегов выливаются.

Остановится богатырь посреди поля, раскинет шатёр полотняный, поставит кровать длиною девять сажён – спит-высыпается.

Ездит Святогор по полю, гуляет по широкому; всем бы хорошо, да силушку девать некуда: одолела богатыря силушка, так по жилочкам живчиком и переливается. Поехать бы богатырю на святую Русь, с другими богатырями-витязями своей удалью помериться, да вот беда: давно уже перестала держать его мать сыра земля, только каменные утёсы Святых гор под его мощью не рушатся, только их твёрдые хребты не трещат, не колеблются под его поступью могучей. Тяжко богатырю от своей силушки, носит он её, как бремя трудное, – рад бы хоть полсилы отдать, да некому, рад бы самый тяжкий труд справить, рад бы всякую тягу нести, да труда по плечу не находится, за что ни возьмётся, всё под его богатырской рукой железной в крохи рассыплется, в блин расплющится.

Стал бы он леса рубить, дороги расчищать, да таких лесов не найти, чтобы ему под стать пришлось: самое тяжёлое дубьё, корьё для него – что трава луговая. Стал бы богатырь горами ворочать, да пользы в том нет, никому горы не надобны. Да и то сказать: давно Святогор на земле не бывал, не знает он про нужды людские, не ведаёт, какую для них тяготу нести.

Говорит Святогор:

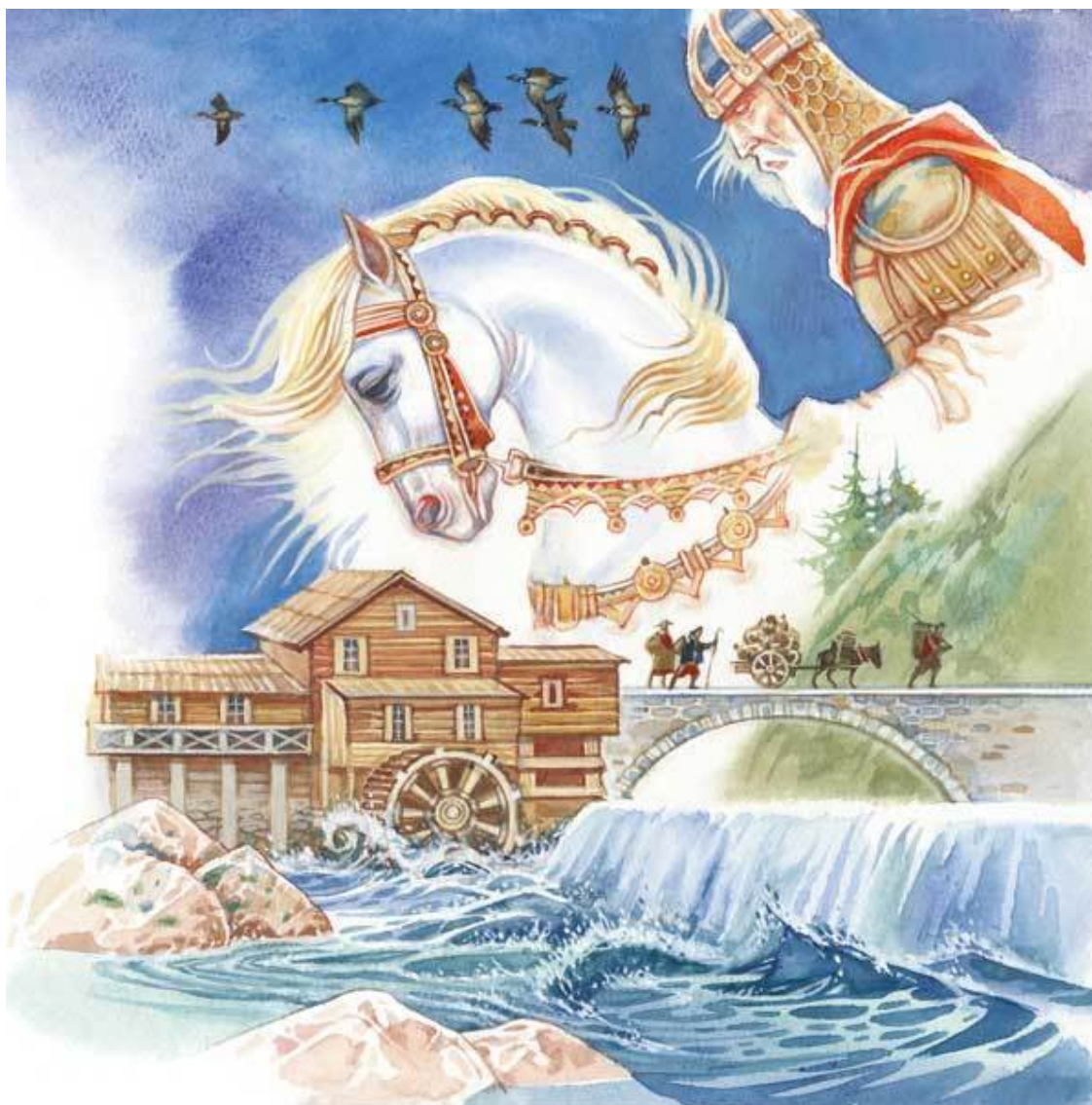
– Кабы я по силам тягу нашёл, так я бы всю землю поднял!

Встреча Святогора с Микулой Селяниновичем

Едет Святогор путём-дорогою и видит: идёт перед ним по долине прохожий человек, приземистый, невзрачный, на плечах несёт сумочку перемётную. Стал его Святогор догонять. Шибко конь богатырский поскакивает, равнины, долины между ног пускает, а настигнуть прохожего не может: идёт себе мужичок, не торопится, сумочку с плеча на плечо перебрасывает. Пустил Святогор коня во всю прыть – никак с прохожим не поравняется, шагом поехал богатырь – всё прохожий впереди.

– Эй ты, прохожий! – кричит Святогор. – Приостановись-ка ты, подожди меня: как я ни еду, никак мне тебя не догнать.

Приостановился прохожий, сложил свою сумочку перемётную на землю.

– Что у тебя за ноша в сумочке? – спрашивает Святогор.

– Подыми сам с земли, так и увидишь, – отвечает прохожий.

Святогор нагнулся с коня, хотел сумочку плёткой повернуть – сумочка не двинется; попробовал её пальцем толкнуть – не ворохнётся; хватил было её рукой – с земли никак не поднять; словно приросла к земле сумочка – не двинется, не ворохнётся, не подымется.

– Что за диво, – говорит богатырь, – сколько лет я по свету езжу, а такого чуда не видывал, чтобы маленькую сумочку нельзя было рукой с земли поднять.

Сошёл он с коня, ухватился за сумочку обеими руками, приподнял её повыше колен. Глядь, сам-то по колена в землю и ушёл, по лицу же не пот, а кровь потекла.

– Что же у тебя в сумочке наложено? – снова спросил он у прохожего. – Скажи мне, не утаи, я такого чуда и не видывал; силы-то мне не занимать: дубьё, корьё из земли выворачиваю, а теперь такой песчинки с земли поднять не могу.

– Коли знать хочешь, – отвечал прохожий, – так я тебе скажу: в сумочке у меня тяга земная.

– А как тебя самого-то звать-величать?

– А зовут меня Микула Селянинович.

– Скажи же ты мне, Микулушка Селянинович, поведай, как мне узнать судьбу свою?

– А поезжай прямоезжей дорогою до распутья, а там сверни влево, пусти коня во всю прыть и доедешь до Северных гор. У тех гор под деревом высоким, развесистым стоит кузница. Живёт там кузнец, у него и спроси про судьбу свою.

Женитьба Святогора

Поехал Святогор дорогой прямоезжею, свернул, где было указано, и пустил коня во всю прыть лошадиную. Начал добрый конь богатырский поскакивать, реки, моря перепрыгивать, широкие долины промеж ног пускать.

Три дня и три ночи ехал Святогор, наконец доехал до Северных гор. Видит: стоит дерево высокое, развесистое, а подле него кузница. В кузнице яркий огонь горит, раздувает кузнец меха и куёт два тонких волоса. Подивился Святогор на искусную работу и спрашивает:

– Кузнец, что же это ты куёшь?

Отвечает ему кузнец:

– Я кую судьбину, кому на ком жениться.

– Ну так скажи, на ком мне жениться судьба велит?

– Твоя невеста, славный богатырь, живёт в царстве Поморском, в престольном городе; только лежит она тридцать лет больная, с постели не встаёт.

Призадумался Святогор. Не хочется ему жениться на больной. «Дай, – думает, – съезжу в царство Поморское и, если правду говорит кузнец, убью девицу, вот и не придётся на ней жениться».

Поехал богатырь в Поморское царство, в город его престольный, нашёл ветхую избёнку, где лежала его суженая.

Как увидел её, обомлел с испугу: лежит девица в избёнке одна-одинёшенька, и на всём теле у неё точно кора выросла, а сама и не шевелится.

Вынул Святогор пятьсот рублей, положил на стол, обнажил булатный острый меч и ударил им девицу в грудь. Вышел из избушки убогой, вскочил на коня и уехал к себе на Святые горы. «Отделался, – думает, – от такой невесты!»

А девица тем временем проснулась, смотрит: кора с тела свалилась, и стала она такой красавицей, какой никогда ещё на белом свете не видавали, – ростом высокая, статная, очи ясного сокола, брови чёрного соболя, румянец – что зорька утренняя.

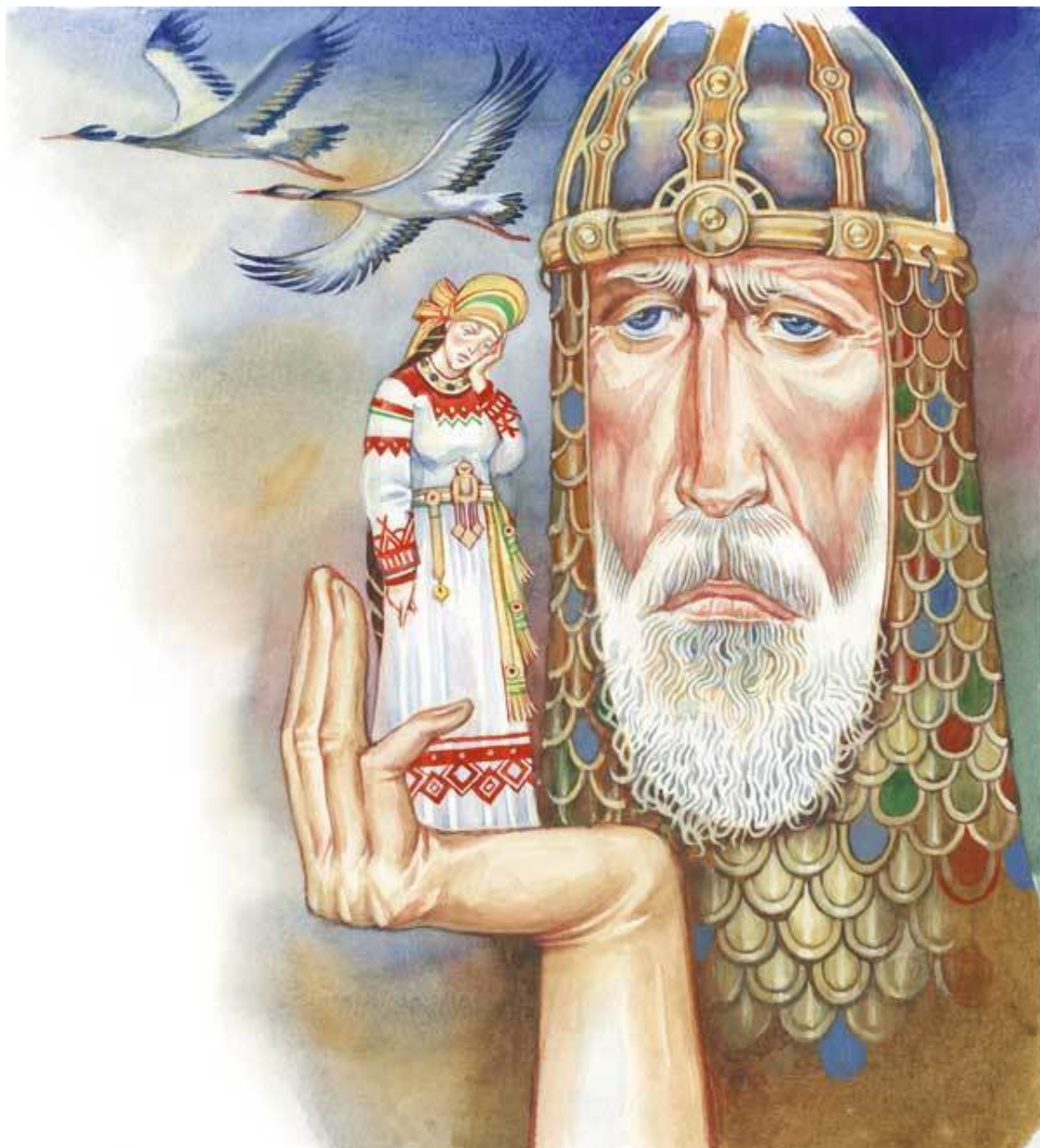
Увидела девица пятьсот рублей на столе. «Вот, – думает, – счастье Бог послал!» Стала она на те деньги торговать и нажила несчётную золотую казну, построила корабли, нагрозила их товарами драгоценными и пустилась по морю синему искать счастья-удачи в далёких странах.

Куда ни приедет, все бегут товары покупать, на красавицу невиданную, неслыханную полюбоваться. Доехала она и до Святых гор, и прошёл о ней слух по всему царству.

Пришёл и Святогор взглянуть на диво дивное; как взглянул, так и подумал: «Вот это невеста по мне, эту за себя сосватаю!» Полюбился и богатырь девице, поженились они, и стала жена Святогора про свою прежнюю жизнь рассказывать, как она тридцать лет лежала, корой покрытая, как вылечилась, как начала торговать на те пятьсот рублей, что неведомый богатырь ей оставил. Слушал Святогор, слушал и говорит:

– Да ведь это я и был.

Подивились они, что от судьбы своей никак не уйдёшь, и стали жить да поживать на Святых горах.

Встреча Святогора с Ильёй Муромцем

Ездил как-то богатырь Илья Муромец по белу свету и заехал ко Святым горам.

Бродит по утёсам и день, и два, притомился, раскинул шатёр белого полотна, привязал у входа своего коня богатырского и уснул ни много ни мало – на двенадцать дней. Вдруг слышит во сне: храпит его бурушко, ржёт, копытом землю роет и говорит ему человеческим голосом:

– Ай же ты Илья свет Иванович, спишь ты, прохлаждаешься, беды над собою не чуешь: едет к шатру Святогор-богатырь! Отпусти-ка меня в чисто поле, а сам полезай на сырой дуб.

Послушался Илья своего верного товарища, пустил его в чисто поле, а сам на дубу спрятался. Видит: едет богатырь выше леса стоячего, головой упирается в облако ходячее, за плечами у него хрустальный ларец. Слез Святогор с коня, отпер ларец золотым ключом, вышла красавица, жена богатырская, что зорька на небе. Раскинули они шатёр, разложила красавица скатерти браные, расставила яства сахарные, питья медовые, – стали они есть, пить, а Илья сидит на дубу, не шелохнётся.

Увидала Илью жена богатырская, побоялась, как бы не убил Святогор добра молодца, и спрятала его в мужнин карман, да с конём вместе.

Сидит Илья в богатырском кармане и день, и два, возит его Святогор, сам того не ведает, да на третий день невмочь стало коню Святогорову тяжесть такую таскать: споткнулся он, подогнулись ноги его быстрые.

Разгневался Святогор на своего верного товарища, со всей силы богатырской хватил его плетью по крутым бёдрам, крикнул громким голосом:

– Что ты, травяной мешок, спотыкаешься?

Отвечает ему конь:

– Как мне не спотыкаться? До сих пор возил я одного богатыря да жену его богатырскую, а вот уж три дня вожу двух могучих богатырей, да ещё и коня богатырского в придачу.

Удивился Святогор, сунул руку в карман, а там и вправду богатырь с конём шевелятся.

Вытащил Святогор Илью из кармана, стал его спрашивать, допытывать:

– Ты откуда родом, как тебя звать-величать?

Назвался Илья.

– А зачем к нам на Святые горы пожаловал?

– Да захотелось мне повидать Святогора-богатыря.

– Ну, я самый и есть Святогор; давай побратаемся, научу тебя всем похваткам-поездкам богатырским.

Кликнул Илья своего коня, поехали они вместе по Святым горам.

Научил Святогор Илью всем похваткам-поездкам богатырским, звал его меньшим братом, делил с ним хлеб-соль, пил из одного ковши.

Едут они путём-дорогою и наехали на огромный гроб. Стоит гроб, весь из камня высечен, а подле крышка лежит.

– Давай, – говорит Святогор, – померяем, для кого этот гроб изготовлен: кому из нас придётся впору, для того он и есть. Полезай-ка ты, Илья, вперёд.

Лёг Илья в гроб, да не по нему домовина: и широка, и длинна, и высока не в меру.

– Ну, – говорит Святогор, – видно, мне в него ложиться.

Лёг, протянул ноги, гроб пришёлся как раз по нему.

– Гроб-то ведь как нарочно для меня сделан, – говорит он Илье. – Ну-ка, меньший братец, сослужи мне службу, закрой меня крышкой.

– Нет, старший брат, вижу я, ты не малую шутку пошутить задумал: заживо себя хоронить собрался. Не подниму я крышки, не закрою тебя.

Привстал тут Святогор, сам поднял крышку и закрыл ею гроб. Только что сошлись края, как и срослись вместе.

Силится Святогор поднять крышку – не может, зарос гроб, давит богатыря, не совладать ему со своею судьбиной. Бился он, бился, просит Илью:

– Братец меньший, душно мне, знать, конец мой приходит! Попробуй-ка поднять крышку.

Попробовал Илья – нет, куда ему! Срослась крышка с гробом, ничего с нею не сделаешь.

– Возьми, Илья, мой меч-кладенец, – просит Святогор, – попробуй-ка разрубить крышку поперёк.

Взялся Илья за богатырский меч, силясь, силясь, не может и приподнять его, не то что крышку рубить.

– Нагнись ко гробу, – говорит Святогор, – я дохну на тебя своим духом богатырским.

Нагнулся Илья, дохнул на него Святогор, и почувствовал он в себе силы втрое против прежнего.

Поднял он тогда меч-кладенец, взмахнул им над крышкой, опустил меч, зазвенел о камень, – глядь, а из-под него поперёк гроба железная полоса проросла.

– Душно мне, меньший брат, – жалуется Святогор, – попробуй-ка ударить мечом вдоль крышки.

Ударил Илья и вдоль крышки, из-под меча искры посыпались, и другая железная полоса выросла.

– Ох, тяжело мне, – стонет Святогор, – наклонись-ка ко мне, меньший брат, ядохну на тебя своим духом богатырским, передам тебе всю свою силушку великую.

– Довольно с меня и этой силы, старший брат, – отвечает Илья, – а коли ты передашь мне всю свою силушку богатырскую, так меня земля носить перестанет, как и тебя.

– Ну, хорошо же ты сделал, Илья, что не послушал меня: я быдохнул на тебя мёртвым духом, и ты бы умер вместе со мною. Прощай, мой названный меньший брат, владей моим мечом-кладенцом, владей моей силой, а коня моего привяжи ко гробу, – кроме меня, никто с этим конём не совладеет.

Замолк богатырь, замерли слова его, а Илья всё стоит, слушает, опёршись на меч-кладенец, всё думает, не скажет ли ему старший братец ещё хоть словечко. Нет, затихли слова богатырские, пропала мощь-сила заветная, а из щёлки гробовой мёртвый дух пошёл.

Опоясал тогда Илья меч-кладенец, привязал коня Святогорова ко гробу, положил перед гробом три земных поклона глубоких, смахнул слезу горячую и поехал на святую Русь, к князю Киевскому, Владимиру Красному Солнышку.

Михайло Поток

У князя Владимира идёт пир горой; все богатыри в сборе, пируют, веселятся, потешаются.

А Владимир Красное Солнышко по гридне столовой похаживает, то тому, то другому богатырю службы раздаёт.

Наливал князь чару зелена вина, ковш мёду сладкого, подносил старшему богатырю, Илье Муромцу:

– Илья Муромец свет Иванович, ты съезди-ка на горы Сорочинские, побей силу неверную, татарскую.

Наливал Владимир-князь вторую чашу, подносил другому богатырю, молодому Добрыне Никитичу:

– Эй ты, молодой Добрынюшка Никитич, ты отправься-ка за море синее, ты прибавь-ка нам земельки святорусской, чтобы было с кого брать дани немалые.

Третью чару подносил он богатырю Потоку Михайлу Ивановичу:

– Ты съезди-ка, Михайло Поток, сын Иванович, в Подолье Лиходеево, ты возьми-ка с Лиходея дани за двенадцать лет с половиною.

Приняли богатыри чаши одною рукою, выпили сразу, не поморщились, седлали скоро-наскоро коней богатырских, поехали по чисту полю каждый в свою сторону, исполнять службу княжескую.

Как приехал Михайло Поток в землю Лиходееву, раскинул он шатёр белого полотна на зелёных лугах, на траве шелковой. Надел он на шатёр маковку красного золота: днём маковка что солнце сияет, ночью не уступит светлому месяцу.

У Лиходея Лиходеева была дочь, Марья Лиходеевна, хитрая девушка, всякому колдовству учёная. Увидела она шатёр в поле и просится у отца:

– Отпусти меня, батюшка, что-то прискучило сидеть в тереме, погуляю я в чистом поле с нянюшками, с матушками и с санными девушками.

Отпустил её отец. Разбрелись по чисту полю нянюшки, матушки и санные девушки, а Марья Лиходеевна к шатру подбежала, внутрь заглянула.

Спит богатырь в шатре, похрапывает. Смотрит на него в щёлку девица, посматривает, а богатырский конь оземь копытом бьёт и говорит человеческим голосом:

– Спишь ты, Михайло Поток Иванович, а у шатра-то твоего девица-красавица стоит!

Вскочил Михайло Поток на ноги, вышел из шатра – не видит девицы, одни лебеди да гуси по заводям плавают. Присмотрел он лебёдку золотое перо – голова у лебёдки унизана нитями золотыми, перевита камнями самоцветными, скатным жемчугом.

«Вот ту лебёдку намечу да и подстрелю», – думает богатырь. Натянул лук, насадил стрелу, метит в лебедь белую золотое перо, а лебедь-то поднялась высоко-высоко, покружилась да и спустилась перед самым Михайлом на землю, обернулась красной девицей, Марьей Лиходеев-ной, и говорит ему:

– Не стреляй в меня, молодец, а вези меня на святую Русь, окрести в православную веру да и женись на мне.

Полюбилась Михайле Поток девица, и дали они друг другу зарок: как женятся, кто первый из них умрёт, с тем в могилу и другого живём закопать.

Не поехал он за данью, а взял с собою Марью Лебедь Белую и пустился в обратный путь к Киеву.

Повстречал он в чистом поле Илью Муромца и Добрыню Никитича. Везёт с собою Илья добычи, золота, серебра бессчётно, везёт и Добрыня дани немало, что вперёд забрал с покорённых земель, только один Михайло Поток свет Иванович не везёт ни золота, ни серебра, а ведёт за руку одну свою Марью Лебедь Белую.

– Как же ты на глаза к Владимиру-князю покажешься? – говорят ему богатыри. – С чем ты в Киев явишься? Мы дадим тебе золота и серебра, от своих богатств отделим.

– Не надобно мне, братцы, ни золота, ни серебра, а привезу я одну Марью Лебедь Белую, с нею и покажусь на глаза к Владимиру-князю.

Приехали богатыри: Илья Муромец со своею добычею, Добрыня с данью; отдали Владимиру, поклонились, прочь пошли.

Увидал Владимир Михайла Потока с его невестою, обласкал их, говорит:

– Это мне больше по сердцу, чем если бы ты мне дани привёз; я и тех-то богатырей посылал из Киева, чтоб они себе невест нашли.

Устроил Владимир свадебный пир, и зажил Михайло с молодою женою, о зароке не думаючи.

Другой раз посылает его Владимир за море:

– Ты съезди-ка, Михайло Поток свет Иванович, за сине море, к царю Налёту Налётовичу, ты отвези ему дань за двенадцать лет.

– Не стану я везти ему дань за двенадцать лет, поеду к нему и без золота, и без серебра.

Поехал богатырь к Налёту Налётовичу, приехал да и говорит:

– Я послан из Киева, от Владимира Красного Солнышка, везу тебе дань за двенадцать лет.

– А где ж у тебя дань? – спрашивает Налёт Налётович.

– Да была она собрана монетою медною, на телегах отправлена, телеги-то в дороге поизломались, вот мужики и чинят их, ещё не доехали.

Развеселился Налёт Налётович.

– На радостях, Михайло Поток Иванович, сыграем с тобою в такую игру, в какую бы у вас на Руси стали играть.

– А у нас на Руси стали бы играть на дощечке дубовой, в шашки кленовые.

– Давай играть в шашки.

Стали играть. Налёт-то и проиграл послу всю дань за двенадцать лет, вдобавок и своей казны немало. Вдруг прилетели на окно два голубочка и заворковали:

– Михайло свет Иванович, сидишь ты, в шашки поигрываешь, а невзгодушки над собою не чуешь: умерла твоя хозяйюшка, нет на свете больше Марьи Белой Лебеди.

Вскочил Михайло, бросил шашки на пол, дубовая дощечка вдребезги разлетелась, позабыл и про выигрыш, вскочил на коня и крикнул:

– Ой ты, конь мой ретивый, сюда ты вёз меня три месяца, а отсюда носи меня три часа, через три часа доставь меня в Киев; реки, озёра перескакивай, широкие поля-раздолья промеж ног пускай!

Летит конь, что стрела мчится, поспел через три часа в Киев. Встречают Михайла его братья названные, Илья Муромец да Добрыня Никитич, говорят горестно:

– Умерла твоя жена, Марья Лебедь Белая, с вечера разболелась, а в ночи и не стало её.

Приказал Михайло Поток плотникам сделать гробницу из белого дуба, такую гробницу, чтобы двое в ней могли и стоя стоять, и сидя сидеть, и лёжа лежать.

Готова гробница – что изба стоит.

Взял тогда Михайло с собой хлеба ни много ни мало на три месяца. Привезли ту гробницу на кладбище, спустили Михайла Потока во сырую землю вместе с мёртвым телом, положили с ним его оружие, сбрую, спустили в яму и коня его богатырского. Взял Михайло в могилу клещи и пруты железные да свечу воску ярого, большую свечу, не малую, чтоб горела она три месяца.

Живёт Михайло под землёю три месяца, прошли три месяца как один день; стоит богатырь над мёртвой женою целый день до полуночи.

А как пришла пора полуночная, приползла в могилу змея лютая подколотная, кинулась на покойницу. Ухватил тут Михайло змею клещами за пасть и стал её сечь железными прутьями, сам приговаривает:

– Задавлю я тебя, змея лютая, пещерная, изведу и твоих двенадцать детёнышей.

Взмолилась змея:

– Не губи меня, могучий богатырь, принесу я тебе живой воды – оживишь жену свою Марью Лебедь Белую, дай мне только сроку три года.

Не слушает её Михайло, бьёт да приговаривает:

– А коли хочешь живою остаться, принеси-ка мне воды через три часа.

– Принесу и через три часа, только пусти...

– Оставь мне твоего змеёныша порукою.

Отдала змея змеёныша, а Михайло положил его под каблук да и раздавил.

– Почто ты моё дитя раздавил? – застонала змея.

– А чтобы ты меня не обманула: принесёшь скорей воды – и змеёныш будет жив, и Марью Лебедь Белую оживишь.

Поползла змея и через три часа принесла живой воды, приснула на змеёныша – зашевелился он и ожил.

Тогда и Михайло Поток приснул водою на мёртвую; потянулась Лебедь Белая, зевнула, встала и говорит:

– Долго я спала, а проснулась скорёшенько.

Случилось это как раз в воскресенье. Идут от обедни богатыри, слышат: кричит под землёю Михайло Поток, аж земля дрожит.

Разрыли богатыри могилу: выходит Михайло из колоды и ведёт за собой Марью Лебедь Белую. Подивился народ, прошёл слух о Марье бессмертной по всей земле: встала-то она из могилы ещё краше, чем прежде, что заря утренняя, и стали про неё говорить, что такой другой красавицы и на свете нет.

Наехали на горы Сорочинские сорок царей-царевичей, сорок королей-королевичей и посылают послов в Киев, к князю Владимиру.

– Хотим мы, – говорят, – чтобы князь отдал нам чудесную красавицу, о которой слава по всей земле прошла, а не отдаст добром – мы её с бою возьмём, тогда и Киеву несдобровать.

Закручинился Владимир Красное Солнышко, говорит Михайле:

– Ты отдай, Михайло Поток свет Иванович, жену свою царям-царевичам, королям-королевичам – неужели из-за неё одной всем нам пропадать?

Нахмурился богатырь:

– Ты отдай-ка лучше свою княгиню, Апраксию прекрасную, а я с женой своей ни за что не расстанусь, разве силой возьмёте.

Надел он поверх лат женское платье, спрятал под ним свой меч-кладенец, оседлал коня и поехал на горы Сорочинские. Коня оставил под дубом, взял лук, стрелы и пошёл к тому месту, где на лугу расположились приезжие цари-царевичи и короли-королевичи, и говорит:

– Здрaвы будьте, сорок царей-царевичей, сорок королей-королевичей! Я Марья Лебедь Белая. Много вас наехало, за кого же мне замуж идти? Если вы из-за меня заспорите, так много будет у вас драки, много крови прольёте, а достанусь я всё-таки одному; так уж лучше я расстреляю стрелы по чисту полю, а вы бегите искать; кто первый мне принесёт стрелу, за того я и замуж пойду.

Расстрелил Михайло по чисту полю столько стрел, сколько женихов понаехало. Разбежались цари-царевичи и короли-королевичи, бегают, ищут, спорятся, а Михайло сидит в своём шатре да поджидает: который прибежит со стрелой в шатёр, тому он голову отрубит – так их всех и перевёл, ни одного в живых не осталось.

Приезжает в Киев, а там ждёт его нерадостная весть: пока он сражался с царевичами да с королевичами, жену его Марью Лебедь Белую увёз царь Вахрамей Вахрамеевич в Волынскую землю.

Не пивши, не евши бросился Михайло за ним в погоню. Полетел конь его богатырский через горы и доли, через поля и леса, и настигли они Вахрамея у самого его царства Волынского. Смотрит Марья в трубку подзорную, серебряную, видит: мчится по полю её муж Михайло Поток. Не люб он ей показался, захотелось ей царицей пожить в богатом Вахрамеевом царстве, и задумала она думу чёрную. Наливает она чару зелена вина, а туда сыплет зелья сонного и выходит из шатра с низким поклоном:

– Здравствуй, муж любезный, Михайло Иванович! Стосковалась я по тебе, богатырю, не могу ни пить, ни есть. Вахрамей-царь увёз меня насильно, я бы без тебя и жива не осталась! Выпей на радостях чару зелена вина, а потом и поедем в Киев.

Сдался Михайло на её лстивые речи, соскочил с коня, взял чару одной рукой, выпил одним духом да и свалился как сноп на землю – одолел его чародейский сон.

А Марья Лебедь Белая не дремлет; ухватила богатыря за русые кудри, перебросила через плечо и проговорила:

– Где лежал Михайло Поток, там будь теперь бел-горюч камень! А как пройдёт три года времени, ты уйди, камень, в мать сыру землю.

Стал богатырь камнем, а Марья уехала с царём Вахrameем в царство его Волынское.

Много ли, мало ли прошло времени, стосковались о Михайле Потоке его братья названные, Илья с Добрынею.

– Дай, – говорят, – пойдём в Волынскую землю, спросим, где могила Михайлы Потока, поклонимся праху его богатырскому.

Оделись они нищими каликами, подошли к рубежу Волынской земли, а навстречу им идёт третий калика, старенький такой странничек, седенький.

– Возьмите, – говорит, – меня в товарищи.

Согласились они и пошли втроём в Вахrameево царство.

Подошли к царскому терему, встали у окошка косящатого и просят милостыню.

Выглянула Марья в окошко и велит Вахrameю:

– Зови скорее калик в палаты наши белокаменные, угости их на славу, отпусти с великой почестью – ведь это не калики, а могучие русские богатыри.

Послушался её Вахrameй, привёл калик в палаты, напоил, накормил досыта, а на другой день посылал слуг в свои погреба глубокие за золотом, серебром, и накладывали каликам полные суммы всякого богатства.

Пошли калики, а старик, что с ними в товарищи напросился, впереди их, дорогу показывает. Довёл он их до того места, где Поток окаменел, остановился у бел-горюч камня и говорит:

– Ну, добры молодцы, давайте теперь наше богатство делить.

Высыпали они всё из сумок, незнакомый калика стал богатство на равные доли делить, и видит Илья Муромец, что он на четыре кучки раскладывает.

– Что же это ты, старинушка, на четыре доли делишь? Нас ведь трое, кому же четвёртая доля будет?

– А тому будет четвёртая доля, кто этот камень в богатыря, брата вашего названного, оборотит, – отвечает калика.

– Батюшка, калика незнакомый, – взмолился Илья Муромец, – если можешь ты этот камень оборотить в богатыря Михайла Потока, так бери за это и все четыре части, нам не нужно ни одной денежки!

Приподнял тогда старик камень одной рукой и бросил через плечо, а сам приговаривает:

– Стань ты, бел-горюч камень, снова богатырём!

Глядят богатыри – лежит на месте камня Михайло Поток, потягивается.

– Долго, – говорит, – я, братцы, проспал.

– Кабы не я, – говорит калика, – и вечно бы тебе тут спать: когда будешь в Киеве, молись Николе Можайскому.

Как сказал, так и пропал, только казна Вахрамеева на камне осталась. Вскочил тут Михайло на резвые ноги и первым делом богатырей спрашивает:

– А где же моя молодая жена?

– Жена твоя у Вахрамея, в Волынской земле, – отвечают богатыри.

– Ну так прощайте, братцы, я пойду её отыскивать, – проговорил Михайло и зашагал по чисту полю к рубежу Вахрамееву.

Пришёл на широкий Вахрамеев двор и кликнул жену во весь свой богатырский голос.

Услышала Марья его голос, задрожала, заметалась и опять худое дело надумала.

Бежит она к нему навстречу, в руках держит ковш с чародейским питьём и говорит ему:

– Свет ты мой, сударь Михайло Иванович, уж как же я тебя долго ждала, не могла ни пить, ни есть. По воле Вахрамеевой я злодейство учинила, тебя в бел-горюч камень оборотила.

Поверил ей Поток-богатырь, выпил ковш, и опять на него сон нашёл, а Марья стащила его в глубокий погреб да и прибила за руки, за ноги к стене. Захотела ещё в грудь ему длинный гвоздь вбить, да такого поблизости не нашлось, и она побежала за ним в кузницу.

В ту пору Вахрамеева дочь Настасья видела, как Марья сонного богатыря в погреб тащила. Взяло её любопытство, что за богатырь такой, она и отпросилась у отца:

– Пусти, батюшка, я только посмотрю, какой такой богатырь.

Спустилась в погреб, а Михайло уже проспался, увидел девицу и просит её:

– Сними меня со стены, не погуби.

Жалко ей стало богатыря.

– А убьёшь Лебедь Белую и возьмёшь меня замуж? – спрашивает.

Обещал Михайло, и сняла его девица: ногтями гвозди повытащила, вместо него прибила к стене мёртвого татарина, что тут же в погребке валялся. Потом накинула ему Настасья на голову шубку свою соболью, повела его к себе в терем.

Навстречу ей Вахрамеей:

– Кого это ты ведёшь, дочка?

– Да я взяла с собою служаночку, а она испугалась богатыря, вот я её и прикрыла шубкой.

Живёт Михайло в тереме три месяца, ухаживает за ним Настасья, раны залечивает.

Заросли раны, и она его спрашивает:

– Ну что, чуешь ли в себе прежнюю силу?

– Кабы мне латы, да меч, да доброго коня, я бы ни твоего отца, ни слуг его не побоялся.

– Добуду я тебе и коня, и меч, и латы, – обещает Настасья.

Знала она, что есть у отца конь, латы и меч богатырские, и задумала их достать. Притворилась она, что занемогла: лежит, ни рукой, ни ногой не пошевеливает.

Пролежала так день, два. Вахрамеей не знает, чем ей помочь, хочет уже знахарей скликать, а дочка ему и говорит:

– Не надо, батюшка, знахарей, я сама знаю, чем меня можно вылечить: я ночью во сне видела, что надо мне поехать на богатырском коне в латах да с мечом по чисту полю, тогда и легче мне станет.

Обрадовался Вахрамеей, тотчас же велел дать всё, что дочка просила. А Настасья одела в своё платье Михайла да его вместо себя и выпустила с конём в поле. Надел Михайло за городской стеной латы и перескочил обратно в город: как пошёл рубить и колоть, так все поразбежались, а он напрямик проехал на царский двор да и пришиб Вахрамею до смерти.

Видит Марья беду неминуемую, опять вышла к нему навстречу с зельем ядовитым, опять его уговаривает:

– Здравствуй, Михайло свет Иванович, выпей зелена вина, прости ты меня в моей глупости, да и поедem в Киев...

Совсем уже было Михайло за чарку взялся, хочет вино выпить, а Настасья Вахрамеевна отворила окошечко косячатое в своей горенке и кричит:

– Аль забыл своё обещанье, богатырь? И себя, и меня стубить хочешь!

Взглянул Михайло вверх на окошечко, оттолкнул чару так, что всё зелье выплеснулось, выхватил меч-кладенец, взмахнул им, и покатила голова Марьи Белой Лебеди.

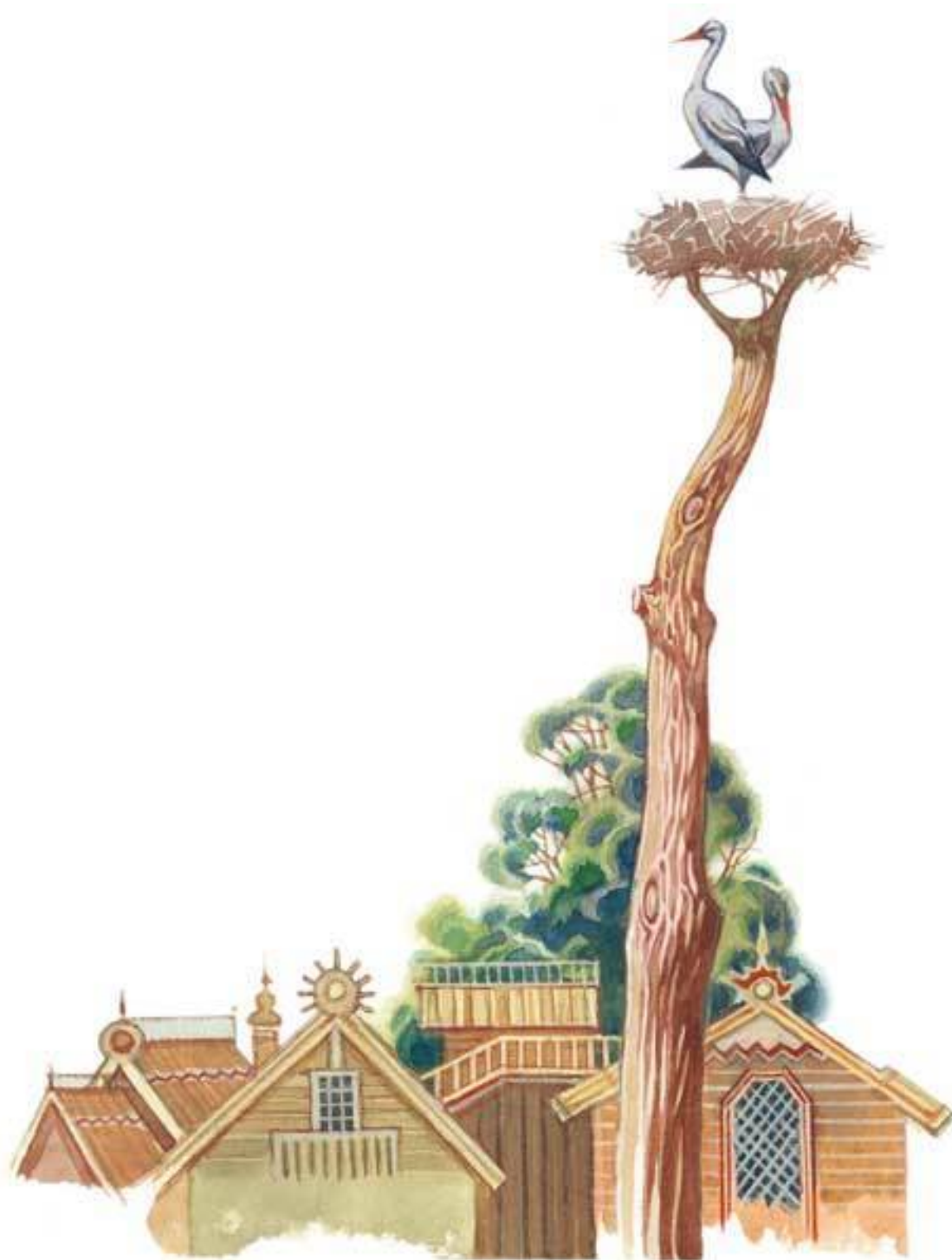
Женился Михайло на Настасье, увёз её в Киев и зажил с той поры припеваючи.

Илья Муромец

Исцеление Ильи

Широко пораздвинулись Муромские леса дремучие, с топиями да болотами, с горами да пригорками, с богатыми сёлами да пажитями впережку. Среди тёмных лесов раскинулось богатое, славное село Карачарово, а в селе том жил старый крестьянин Иван Тимофеевич с женою Евфросиньей Яковлевной. Долго у них не было детей, лишь под старость дал им Бог сына, и назвали они его Ильёй. Растёт Ильюша, крепнет, а ни ногами, ни руками не владеет, пошевелить не может, сидит сиднем и год, и два, сидит десять, сидит тридцать лет. Кручинятся отец с матерью, дело их крестьянское, тяжёлое, всюду помощь нужна, а тут такое над ними горе стряслось: всем бы детище их взяло – и умно, и приветливо, а не может ни с места сойти, ни руки поднять. Отросла у Ильи борода, а он всё сиднем на печи сидит. Понаходились отец с матерью по святым угодникам, много было намолено, напрошено, а Илье не легчает: и рад бы встать, рад бы всякую работу справить, да ноги не носят, нет в них силушки – как брёвна висят, не шелохнутся.

Ушли как-то раз отец с матерью пожни чистить, вырубать лес под поля, а Илья сидит себе в избе по-всегдашнему. Вдруг слышит: просят его в окошко двое нищих калик переходящих:

– Впусти нас, Илья, дай нам воды испить.

– Рад бы я вас впустить, рад бы напоить, накормить, божьи люди, да не владею ни руками, ни ногами; вот уж тридцать три года сиднем сижу, даром хлеб жую.

Вошли странники в избу, осмотрелись, на икону помолились. Старший из них и говорит Илье:

– Ну, Илья, теперь вставай, сойди в погреб, принеси нам браги студёной.

Тронул Илья ногой – нога зашевелилась, повёл рукой – и рука ожила, вскочил он, счастью своему не верит. Пошёл в погреб за брагой, принёс нищим добрую чару в полтора ведра. Напились калики и дают Илье:

– Испей-ка, Илья, после нас.

Испил он, а калики его спрашивают:

– Много ль ты чуешь в себе силушки, добрый молодец?

– Ох, калики перехожие, божьи люди, столько-то я чую в себе силушки, что, если бы в небеса утвердить кольцо, взялся бы я за это кольцо и всю бы святорусскую землю перевернул.

– Слишком много с него этой силушки, – переговариваются между собой калики, – не снесёт его земля, надо поубавить. Принеси-ка нам, Илья, ещё чару браги.

Пошёл Илья опять в погреб; идёт по саду, за какой дубок ни хватится, с корнем вон дубок летит; куда ни ступит, нога в земле вязнет, что в топком болоте. Спустился он в самую глубь погреба, налил самой лучшей браги и несёт каликам.

Выпили они, опять Илью потчуют:

– Испей, Ильяша, после нас.

Послушался Илья и почувствовал, что силы в нём поубавилось.

– Сколько чуешь теперь в себе силушки? – спрашивают калики.

– Силушки во мне против прежнего половина, – отвечает Илья.

– Ну, будет с тебя, молодец, и этой силушки; можешь ты теперь со всяким богатырём силою мериться, на бою тебе смерть не написана. Помни только один завет: не бейся со Святотором-богатырём, он сильнее тебя, берегись и Вольги, Вольга тебя может хитростью одолеть. Не иди и супротив рода Микулина: любит его мать сыра земля. А теперь проводи нас на холм, за село, там и простимся.

Проводил их Илья.

Ушли странники, а Илья заснул богатырским сном ни много ни мало на двенадцать дней. Проснулся он, захватил топор и пошёл к отцу, к матери на пожню. Стал он лес расчищать, только щепки полетели: старое дубьё с одного взмаху валит, молодое с корнем из земли рвёт. В три часа столько лесу расчистил, сколько отец с матерью и с работниками и в три дня не наработали. Вскопал и выровнял Илья поле великое-превеликое, спустил дубы да колоды в глубокую реку, топоры в пни воткнул и пошёл отдыхать.

Пришли отец с матерью, видят: всё поле расчищено, вся работа сделана.

– Кто же это за нас пожни расчистил? – дивуются они.

– Уж не Илейко ли пошаливает? – пошутил старик.

Ан глядь, Ильюша-то к ним навстречу из избы идёт здоровёхонек, с низким поклоном их встречает, про свою радость великую рассказывает.

Научили ещё Илью странники на прощание, как себе коня добыть. Пошёл Илья в чисто поле, видит: ведёт прохожий невзрачного жеребчика, косматого, нехолёного. Вся-то цена ему грош, а прохожий запросил цену непомерную: пятьдесят рублей с полтиною. Илья с ним не торговался, дал ему то, что он запросил, и повёл жеребёнка домой.

Кормил он его пшеницей белояровой, поил свежей ключевой водой, холил, выхаживал. А как прошло три месяца, выводил его по три зари, купал в трёх росах утренних, и стал бурушко на диво конём. Заставил его Илья через высокий тын прыгнуть – перепрыгнул конь и копытами не задел. Положил он ему на хребет руку свою богатырскую – конь не пошатнулся, не шелохнулся, только заржал.

– Это добрый конь, – сказал Илья, – будет он в бою мне верным товарищем.

Просит Илья у отца, у матери благословение:

– Государь мой, родимый мой батюшка, Иван Тимофеевич, государыня, родимая моя матушка, отпустите вы меня на Русь православную, попытать своей силушки в честном бою, с богатырями силой-удалью помериться.

Опечалились отец с матерью.

– Думали мы, что ты будешь нам работником, нашей старости угодником, а ты нас покинуть задумал, – сказал отец. – Куда же ты ехать хочешь?

– А хочу я поехать в стольный Киев-град, к Красному Солнышку князю Владимиру, буду служить ему верой и правдою, беречь землю русскую от всякого недруга-ворога.

Вздыхнул честной старик Иван Тимофеевич, молвил сыну:

– Благословляю тебя на добрые дела, Илья, а на дурное нет тебе моего благословения. Помни мой завет: не проливай крови христианской, не помысли злом даже и на бусурманина да на золото, серебро не лстись.

Отвесил Илья отцу с матерью низкий поклон до земли, обещал им крепко держать их завет и пошёл снаряжаться в путь-дорогу, надевать доспехи богатырские.

Выковал себе Илья из трёх полос железных три стрелы и закалил их в матери сырой земле; меча же не нашлось по его силушке: какой ни сожмёт в кулак, рукоять и отвалится. Бросил он эти мечи бабам лучину щипать, сковал себе копье булатное и стал седлать своего бурушку холёного: положил войлочные на войлочные, потнички на потнички, а поверх всего седло черкасское с двенадцатью подпругами шелковыми, с тринадцатой железной не для красоты, а для крепости.

Захотелось Ильюше свою силу попробовать: пошёл он к Оке-реке, собрал народ, упёрся плечом в гору, что на берегу высилась, и свалил её в реку: завалила гора русло, повернулась река, потекла по-новому, а то место, где старое русло Илья горою завалил, старые люди ещё и поныне молодым показывают, про богатыря вспоминая.

Пустил Илья на прощание корочку хлеба по Оке-реке, по кормилице, за то, что кормила, поила его тридцать три года, зашил горсть родной земли в ладанку. Отстоял он заутреню со своими домашними и пустился в путь.

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Едет Илья к стольному граду Киеву, торопится, хочет поспеть к обедне воскресной, с ласковым князем Владимиром светлый праздник Христов отпраздновать.

Скачет конь богатырский выше леса дремучего, по рекам броду не спрашивает; первый ускок скочил в полторы версты; где скочил, там ключ живой из земли ударил, что и поныне бьёт; за вторым ускоком миновал богатырь родимый Муром, а за третьим ускоком его и след простыл, очутился он под самым под Черниговом.

Как подъехал к городу Чернигову, слышит: под стенами шум и гам, стоят татар многие тысячи, от пыли да от пару лошадиного не видать днём красного солнышка, а ночью – светлого месяца; залегла сила татарская далеко кругом, так залегла, что ни зайцу серому не проскочить, ни ясному соколу не пролететь. Приостановился Илья.

– Коли побить нехристей – нарушить отцову заповедь, а не пролить кровь татарскую – ждёт черниговцев смерть неминуемая.

Подумал богатырь с минуту и решил всё ж нарушить завет родительский да спасти Чернигов-град. Сошёл он с коня, вырвал левой рукой коренастый дуб, привязал его к левому стремени. Вырвал правой рукой другой дуб, взял его в правую руку вместо дубинки, чтобы ею нехристей пощёлкивать. Сел на коня и пошёл гулять по становищу татарскому: где махнёт рукой – там улица, перемахнёт – переулочек, сам не добьёт – так конём стопчет, дубом, что у стремени, сомнёт. Перебил всех татар, а царевичей татарских отпустил на волю, сказал им на прощание:

– Разнесите весть по свету белому, что святая Русь не пуста стоит, много в ней богатырей, сильных да могучих.

А в городе-то черниговцы все в церкви собрались, молятся, причащаются, с родными прощаются, собираются на татар идти.

Подъехал Илья, слез с коня, привязал его к столбу и вошёл в церковь. Смотрят на него черниговцы, дивуются:

– Откуда ты, молодец, взялся, как к нам в город через силу несметную татарскую мог пробраться?

Перекрестился Илья, поклонился на все четыре стороны, говорит им:

– Эй вы, молодцы добрые, куда сбираетесь, о чём тужите, плачете, молитесь?

– Аль не видел, добрый молодец, что вокруг нашего города облегла несметная сила татарская? Не совладать нам с ними, на верную смерть идём.

Усмехнулся Илья, проговорил:

– Не поздно ли собрались, добрые люди? Вы взойдите на стену, гляньте в поле чистое, не лежат ли силы несметные?

Побежали черниговцы на стену, глядят в поле и очам не верят: усеяно поле мёртвыми татарами – ни один не привстанет, не подымется, вся сила татарская побита, как один человек.

Бросились черниговцы к удалому богатырю, несут ему хлеб-соль, дары великие, серебро, золото, скатный жемчуг, дорогие ткани разноцветные.

– Добрый молодец, могучий богатырь, ты скажи, как тебя звать-величать? Какого ты роду-племени? Прими наши дары, хлеб-соль нашу малую! На твоей великой заслуге бьём тебе челом, просим мы у тебя одной милости: ты останься у нас жить воеводою, будем мы тебе служить верой-правдою, будем слушать приказа твоего богатырского.

– Зовут меня Ильёй Муромцем, а родом я из села Карачарова, не могу я быть воеводою, надо мне поспешить в стольный Киев-град к Красному Солнышку, князю Владимиру; покажите-ка мне туда дорогу прямоезжую.

Переглянулись черниговцы, призадумались.

– Есть от нас к Киеву дорожка прямоезжая, да нельзя по той дорожке ехать! Тридцать лет по дорожке той не езжено, не хожено, залегли той дорожкой болота-топи глубокие да широкая река Смородина, быстрая, бурливая, что ни броду, ни проезду. К тому ж за рекой Смородиной свито гнездо Соловыиное, засел в нём Соловей-разбойник, нет мимо него ни конному про-

езду, ни пешему проходу, всех он убивает своим свистом. Ездим же мы, витязь, в Киев окольной дорогой, хоть она и вдвое дальше, да зато вернее. Поезжай-ка, удалый молодец, дорожкой окольной, прямоезжей дорогой пойдёшь на верную смерть, несдобровать твоей головушке от этого свисту соловьиного.

Разгорелось у Ильи сердце богатырское.

– Мне ли, молодцу, бояться свисту соловьиного, рыканья звериного? Я поеду в Киев прямой дорожкой, я очищу дорожку ту вплоть до самого Киева.

Вскочил Илья на коня: взвился бурушко под облака, только черниговцы его и видели.

Доскочил конь до реки Смородины: течёт река Смородина широкая, бурливая, струйки её изменчивые, воды опасливые; приостановился конь, махнул хвостом, взвился выше лесу стоячего и одним скачком перепрыгнул реку.

Сидит за рекою Соловей-разбойник на девяти дубах, что вершинами в небо упираются; не пролетит мимо него ни пташка малая, ни сизый орёл, не пробежит мимо тех дубов ни зайка-горностайка, ни вепрь, ни буйный тур, ни медведь косолапый – все его посвиста боятся: никому умирать не хочется.

Как завидел Илья Соловья, припустил коня и подскакал к дубам. Зашевелился Соловей, засвистал во весь свой мощный свист, зашипел по-змеиному, заревел по-звериному, так что конь у Ильи на коленки пал. Осерчал богатырь на своего бурушку, бьёт его плетью по крутым бёдрам, сам приговаривает:

– Травяной ты мешок, не богатырский конь, волкам тебя отдать на съедение! Не слышал ты, что ли, писку птичьего, не слышал шипу змеиного, испугался рёву звериного? Видно, надо уж мне, витязю, нарушить завет родительский, окровавить свою стрелу калёную!

Вынул Илья тугой лук из налучника, вставил калёную стрелу, наметил в Соловья – взвилась стрела, попала разбойнику прямо в правый глаз, а в левое ухо вылетела. Свалился Соловей с дуба комом, подхватил его Илья, связал путами сыромятными, привязал к левому стремени. Глядит на него Соловей, молчит, не смеет слова вымолвить.

– Что глядишь на меня, Соловей-разбойник? – спрашивает Илья. – Али русских богатырей не видывал?

– Ох, попал я в руки крепкие, – закручинился Соловей, – не уйти мне из этих рук могучих, не видать мне вольной волюшки!

Поехал Илья с Соловьём к Киеву, а под Киевом у Соловья другая застава – подворье его Соловьиное. Стоят Соловьиные палаты белокаменные, двор на семи столбах, на семи верстах, вокруг железный высокий тын, а на каждой тынинке по маковке, на каждой маковке по голове богатыря убитого. Посреди двора три терема златоверхие, верхи с верхами свиваются, потолки с потолками сливаются, крылечки с крылечками сплываются, а промеж теремов сады расс-

жены зелёные, с цветами лазоревыми. Под теремами залегают погреба глубокие, а в них много несчётной золотой казны награбленной, много всякого богатства, добра наворованного. Жила в этом подворье семья Соловьиная: молодая его жена, да дочери – удалые поленицы, да мужья их, зятя Соловьиные, все богатыри сильные, могучие.

Как завидел Соловей своё гнёздышко насиженное, забился, аж путы затрещали, и взмолился Илья:

– Бери, богатырь, всё моё подворье великое, бери мои палаты белокаменные, возьми и всё добро, всю казну мою несчётную, отпусти только меня на волю-вольную, дай ты мне покаяться, замолить грехи мои тяжкие.

Молчит Илья, не слушает уговоров Соловьиных, напрямик к его подворью едет.

Завидели его в окна дочери и жена Соловья. Старшая дочь и говорит:

– Вон наш батюшка едет, чужого мужика везёт у стремени, и глаз ему вышиб.

А жена Соловья взглянула и ахнула:

– Ой ты, дочка неразумная, не батюшка ваш мужика везёт, а едет-то богатырь русский, везёт вашего батюшку в путях, у стремени.

Взмолилась она зятям:

– Зятя наши любезные, дети милые! Бегите скорее в погреба глубокие, несите злата, серебра, камней самоцветных, сколько захватится, выходите к богатырю, встречайте его с почестью, просите, упрашивайте, низко кланяйтесь, чтобы отпустил он вам вашего батюшку, чтобы не казнил его лютой смертью.

Упёрлись зятя, не слушают матери:

– Уж и нам ли семерым не совладать с одним витязем? Уж и нам ли его не осилить? Обернёмся мы чёрными воронами, заклюем его, освободим батюшку.

– Ох вы, дети неразумные! Ваш отец не вам чета, да и то к богатырю в полон попал, где же вам с ним справиться?

Не послушались зятя-сыновья матери, не вышли встретить Илью, а старшая дочь, Пелька, к воротам подкралась, ухватила доску железную, в девяносто пудов, и стала поджидать

богатыря. Как въехал Илья в ворота, увидал её с доскою железной, дал ей замахнуться. Полетела доска в Илью, а он отмахнул её своею рукой богатырской – попала доска в Пельку да и пришибла её до смерти.

Видит жена, видят другие дочери, что не совладать им с богатырём, бросились ему в ноги, молят, убиваются, дают за отца великие выкупы.

– Не возьму я от вас никаких выкупов, отвезу я вашего отца в Киев, к славному князю Владимиру. Коли хотите отца выручить, приезжайте через три дня со всем вашим богатством-имуществом в терем княжеский, может быть, и отдам вам тогда вашего батюшку.

Повернул Илья коня, не промедлил ни минуточки в Соловьином подворье, за три ускока был уже у Днепра-реки, а перевозчицей там была другая Соловьиная дочь, Катюшенька.

Широка, глубока Днепр-река. Видит Соловей, что не перейти её богатырю, не перескочить коню богатырскому, и кричит своей дочери:

– Доченька родная, Катюшенька! Не перевози ты добра молодца, богатыря могучего, проси ты у него в залог меня, старика, тогда и перевези, как отпустит меня на волю!

Послушалась отца перевозчица, отчалила и переехала на ту сторону.

Промолчал богатырь, слез с коня, левой рукой его в поводу ведёт, а правой рвёт дубы столетние с корнями, с подкореньями. Подошёл к реке, перебросил дубы, настил себе мост крепко-накрепко, сам перешёл и коня перевёл.

Вынул он из кармана дорожную плётку шелковую о семи хвостах с проволокой, подошёл к перевозчице.

– Ну-ка, девица, теперь мы с тобой рассчитаемся!

Стегнул раз – она с ног свалилась, а другой раз стегнул – тут ей и смерть пришла.

Приумолк Соловей-разбойник, не шелохнётся, на богатыря и глянуть не смеет.

Бежит конь у Ильи, как сокол летит, реки, озёра промеж ног берёт, хвостом поля устилает. Смотрят на Илью старые богатыри, любуются:

– Нет другого богатыря на поездку, как Илья Муромец! Вся поездка его молодецкая, вся поступка его богатырская!

Приехал Илья в стольный Киев-град. Отошла обедня воскресная, Владимир Красное Солнышко сидит в тереме с боярами, богатырями да витязями. Привязал Илья коня своего среди двора к высокому столбу точёному, к кольцу позолоченному и говорит Соловью:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.